

Budda LarN

ПРОРЫВ

Budda Larin

Прорыв

<https://litres.ru/74539552>

SelfPub; 2026

Аннотация

Третья книга из серии «Сны и страхи».

Очередная партия мрачных историй от кладбищенского сторожа Альберта, рассказанных мне.

Все истории объединены одной общей тематикой — Прорыв. Странные существа и события из другим миров и измерений все чаще проявляются в нашей реальности. Случайны ли ночные голоса и шорохи в коридоре? Или это демоны являются к нам?..

Содержание

Каждый человек имеет право на взгляд	4
От рассказчика	12
Бесконечное одиночество	15
Прорыв	24
Посторонний	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Budda Larin

Прорыв

Каждый человек имеет право на взгляд

Именно такой фразой мне хотелось бы открыть третью книгу в серии «Сны и страхи». Почему? Я попытаюсь объяснить как можно подробнее.

У меня накопилось уже довольно много мистических рассказов, и только совсем недавно я осознал, что все они имеют связь. Да, они в корне разные и по сюжету, и по повествованию, даже по манере подачи текста. Но их обобщает некий Прорыв, как я его назвал. То, чего нет в нашей реальности, но оно проскакивает в литературе. Нет? А может и есть? Вот именно это и общее.

Тысячи лет наш мир знал всякого рода мифологию. Начиная от общеизвестных мировых мифов, заканчивая легендами мелких племен. Тысячи тысяч поверий, сюжетов и героев. Мифы были даже в Древнем мире. Они никуда не пропадают, а только постоянно появляются новые. Чуть позже к мифам прибавилась литература, книги, рассказы. И на сегодняшний день мир мистики, ужаса и хоррора безграничен и

прекрасен. Были как добрые и светлые персонажи, так и темные, мрачные. Вторые почему-то преобладали во все времена. У индусов всегда были ракшасы, у египтян Ама́т, не будем далеко ходить и оглянемся вокруг нас самих: Леший, Баба-Яга, Лихо, Кощей, упыри, вампиры, русалки, черти, Вий, болотник, банши, всякого рода умертвии, зомби, носферату, минотавры, циклопы, ведьмы, драконы, я не знаю, - сотни персонажей. Ну и, конечно же, Дагон, Ктулху и Вендиго. Я пишу как школьник, перечисляя какие-то банальные примеры, потому что мысли разбегаются от обилия таких персонажей, и я хватаю только поверхностно, что удалось вспомнить сию минуту. Если бы я взялся за их перечисление, можно было бы издавать отдельную книгу о них - бестиарий. А посему я думаю, что и каждый из вас может добавить к этому списку десятков-другой персонажей. А я, пожалуй, остановлюсь с перечислением и перейду к основной своей мысли. Все шло циклично, от каких-то общих сил зла к конкретным и поименованным. С каждым годом и народом они все более развивались. Конечно, все мы относимся к этому как к жуткой сказке, не более того. И тут мне пришла в голову странная идея. Когда мы совсем дети, нас пугают какие-то скрипы в коридоре, подкроватные монстры и бабайки. Нам страшно, до жути просто. Потом мы вырастаем и понимаем, что все это глупые сказки, бояться нечего. И такие рассказы на нас оказывают скорее увеселительное воздействие. Все люди считают, что на этом вопрос взросления заканчивается.

Но вот тут я понял, что нет, это не конец истории. Это только середина. А вдруг все это реально? Вдруг, когда прошел детский страх и взрослое равнодушие, мы пришли к зрелому возрасту и просто готовы принять, что все это реально? Спокойно принять. Раскрыть глаза и увидеть! И вот тогда мы можем считать себя взрослыми – вернуться к событиям детства и принять то, что тогда боялись принять.

Я думал о том количестве людей, которые в своих мифах, сказках, книгах и рассказах упоминали таких потусторонних созданий. Я упомяну только Говарда Филлипса Лавкрафта, Элджернона Блэквуда, Уильяма Хоупа Ходжсона, Артура Мейчена, Брэма Стокера, Эдгара Аллана По, ну и, конечно же, наших соотечественников: Николая Васильевича и Михаила Афанасьевича. Но это только те люди, которые заставили мой мир перевернуться. Еще десяток писателей добавили в моей голове мелкие детали. Но это эталоны для меня. А ведь есть еще сотни, тысячи других писателей. Есть тысячи сказок и мифов по всему нашему необъятному свету, накопленные веками. Люди, которые писали во все времена, на всех языках, во всех частях планеты. Просто задумайтесь о том, какой объем потусторонних сведений к нам поступает! Да, просто внимательно вчитайтесь в их книги. Вы наткнетесь на подробные понимание и описание характера, поведения и внешности всех этих мрачных персонажей. Откуда, скажите мне, откуда человек может подробно описать то, чего не существует? Соедините эти разрозненные карти-

ны через века, проводи параллели, и вы поймете, что люди описывают только то, что видят. Они описывают мир вокруг них. Никаких премудростей! Нельзя так сочно, красочно и жутко описать что-то вымышленное. Они жили в этом мире. Да, вы правы, они жили в том же мире, что и мы с вами, только видели чуть больше. А может даже и не больше, просто они готовы были это воспринять. Если вы услышите ночью шаги и голоса в коридоре, о чем вы подумаете? О том, что переутомились, устали на работе и бессонница давит на психику - вот и все. Наш мозг устроен так, что, если он уверен, что этого не существует, то он и не будет даже пытаться это воспринять, он моментально найдет сотни оправданий, почему этого не существует. Мы привыкли смеяться над такими вещами, либо молчать, чтобы окружающие не подумали о том, что мы сходим с ума. Но только представьте, всего на миг, что все это не галлюцинации и не усталость наших организмов, а все это реальность. И есть люди, которые в это верят! Странно, но многие из писателей-мистиков умерли достаточно рано, многие при странных обстоятельствах, а некоторые просто бесследно исчезли. На мой взгляд, они ушли туда, что все мы так настырно отрицаем. Готовы ли вы увидеть и признать бабайку? Звучит смешно, да? Но это абсолютно серьезный вопрос! Вам кажется, что это нереально, разум отрицает это, тогда все становится нереальным. Но отрицание является лишь детским способом самозащиты. Защиты от того, чего боишься. Готовы ли вы стать взрослыми?

Почему я начал с такой странной фразы? Потому что мы привыкли к миру, где все странное является вымыслом или галлюцинацией. Так вот: каждый человек имеет право на взгляд. Имеет право считать это фантастикой, психическим расстройством или правдой. Вот о последних мы и поговорим в этой книге.

Забудьте все то, что вы знали и чему вас учили. Нет никакого вымысла и кривды. Все это правда.

А теория моя заключается в следующем: все эти странные создания, так подробно описанные нам в сотнях книг на протяжении тысяч лет, которые нам знакомы как сказочные персонажи – реальны! Реальны точно так же, как и мы с вами. Они живут бок о бок с нами, но в параллельной вселенной. И иногда случаются Прорывы. Материя слабеет, и они попадают в наш мир. Я бы сказал, что случается такое не иногда, а регулярно. И они настолько привыкли попадать к нам, что ведут себя как дома. Они не пугают нас, они просто живут, просто ходят и осматриваются как туристы. Они не осторожничают, потому что ничего плохого и не помышляют, они просто живут. Как и все мы исповедуем разные обряды и образы жизни, которые иногда нам кажутся дикими. Точно так же живут и они, и не совсем понимают, что даже их облик может нагонять на нас жуть. Но это не значит, что они враги. Они появляются, подают какие-то сигналы. Связь между мирами тонкая и часто прерывается, поэтому, возможно мы слышим только обрывки фраз, возможно

на непонятном языке, мы видим какие-то силуэты, которые потом расплываются. Все это складывается в какую-то недосказанность и жуть. Но люди открытые всегда смогут увидеть и воспринять. Вопрос только в том: готовы ли вы к этому? Готовы ли вы лицезреть Лешего или вести беседу с бесом? Или вам проще отвернуться и глушить психику медикаментозно и продолжать смеяться и считать, что все это лишь сказки для детишек? Мир слишком многогранен, и он дает нам шанс прикоснуться к чему-то необычному! Готовы ли вы поверить, что, действительно, видите что-то, что ваш разум считает невозможным? Готовы ли вы не искать объяснения почему «нет», а сказать твердое «да»?

Мне кажется, что современному отечественному читателю сложновато воспринимать иностранную литературу, сложно переместиться в Лондон девятнадцатого века, сложно оказаться в каком-нибудь старинном американском поместье. Вернее, не сложно! Это отзывается в нас красивой страшной сказкой, но именно сказкой, не более. Мы не можем визуализировать и окунуться в эту атмосферу. Мне показалось интересным, если все события всех этих жутких мест, всех чудовищ переместить в нашу реальность: большие города, глубинка, коммунальные квартиры. Когда ты воссоздаешь в голове антураж, читая книгу, то это становится уже какой-то сказкой. Когда ты представляешь Лондон три века назад, очень сложно детально представить и запихнуть себя в то время и то место. Гуляет там призрак, ну и пусть гуляет

– красивая сказка. Куда понятнее то, с чем мы сталкиваемся каждый день, в чем мы живем всю свою жизнь. Нам куда понятнее пятиэтажки на окраинах спальных районов и кухни коммунальных квартир. А вот, когда призрак заводится на этой кухне, уже становится жутко, даже представлять шибко ничего и не нужно. Но, это только мое мнение.

Не знаю почему, но меня никогда не прельщали молчаливые кровососы, бездумные оборотни, раздирающие всех вокруг, или слюнявые зомби. Вернее, я не так выразился: они всегда мне импонировали как персонажи, но страха никогда не нагоняли. Физические расправы и увечья – это не про страх, а, скорее, про отвращение. Ну, это, опять же, мое мнение. В каком-то далеком городе, какой-то уродец сосет кровь у какого-то персонажа. Это прямое описание акта насилия, и оно не является страшным для меня. Это может быть мерзко, гадко, неприятно, но не страшно. А вот, когда ты встречаешься с таким персонажем около «Пятерочки» в своем спальном районе, а у него вполне себе человеческие привычки – он пьет кофе и разговаривает с тобой о том, как ты неправ в своем образе жизни, а потом устраивает персональную экскурсию по аду, без всяких кровопролитий, но в ярких красках описывая и показывая все его «прелести», вот тут внутри что-то уже начинает шевелиться. Возможно я романтик, и считаю, что слова обладают неограниченной силой, именно ими можно напугать, а не кровопролитием и расчлененкой.

Никакой запредельной фантастики: просто что-то необычное в привычной нам атмосфере. Возможно, тогда вы сможете поверить в реальность происходящего, как это сделал я...

Ведь каждый человек имеет право на взгляд...

От рассказчика

Стоял погожий летний день. Дурацкое начало для моего повествования, да? Слишком пошло и избито - согласен! Но, что я могу поделаться, если это правда? Ларин приходил ко мне в гости всего один раз в год. И никогда не делал этого ни в зимнюю пургу, ни в дождливую осень. Он всегда выбирал теплый, безоблачный летний день, чтобы мог целиком провести его в беседе со мной.

Вот и на этот раз, в один из таких дней, я заметил, как он входил в ворота моего кладбища. Мне было скучно, и я решил спрятаться и ушел в фамильный склеп. Да-да, друзья, фамильные склепы бывают не только в зарубежных фильмах, но и на наших кладбищах. Ларин бродил битый час по кладбищу в поисках меня, и уже собрался было разворачиваться, как я выскочил из склепа и схватил его сзади за плечо. Нужно было видеть его выражение лица, я смеялся просто до смерти, но ему явно было не смешно. И тут я проговорил:

- Пришло твое время, смертный! Наконец, я смогу освободиться и передать этот пост тебе! – зловеще на ухо прошептал я.

Сигареты и кофе выпали из его рук, глаза округлились, он машинально дернулся, но я не выпустил его из своей хватки. Для моего возраста это было сложновато. Его была мелкая

дрожь, а я едва сдерживал смех. Но в какой-то миг я расслабился, а он вывернулся и помчал, что было сил к выходу. Я человек старый, но не простой смертный. Через мгновение я стоял у ворот кладбища, вальяжно облокотившись о них. Он резко затормозил. Его вид вызывал во мне беспробудный смех и тут я перестал сдерживаться и расхохотался, обхватив живот руками и согнувшись. Ларин затормозил и смотрел на меня, как на сумасшедшего.

- Ой, и видел бы сейчас свое выражение лица, я не могу! Вот умора, - сквозь слезы кидал я ему обрывки фраз.

Отсмеявшись, я поднял на него глаза и увидел, что его взгляд просто пылает злобой.

- Ах, ты, старый засранец! Я думал, что все, конец мне! Отбегался, наигрался! Я уже душу Богу чуть не отдал! А он играет, значит, забавляется! – кричал он. Но, по мере того, как он выкрикивал каждую фразу, я видел, что он успокаивается, и взгляд его теплеет.

- Ну, будет тебе, будет! – ласково проговорил я, заключив его в теплые дружеские объятия. Мгновение он стоял как истукан, но потом ответил на мои объятия взаимностью.

- Гадина ты старая! – бросил он, но в голосе его не было злобы.

Я взял его под локоть и повел в сторону той могилы, на которой мы любили сидеть и болтать.

- Да я ж чуть не умер, блин! У меня и так психика слабая, плюс все твои истории, а тут такое! – причитал он, уже улы-

баясь. – А вот сигареты немецкие и кофе, уж извиняй, обобрал я, когда ты меня пугал, – язвительно проговорил он.

Я достал из кармана ту самую пачку, которую он принес мне, закурил и протянул ему, чтобы он тоже угостился.

- Вот ты старый черт, – расплылся в улыбке Ларин, вытягивая из пачки сигарету.

- У меня для тебя скопилась целая куча историй. И, знаешь, почти все они об одном и том же: что пространство между мира стирается, что все чаще создания из разных миров проскакивают в наш. Это странно, но это уже похоже на закономерность, а не штучные случаи. Такое ощущение, что грядет что-то масштабное...

Он невесело хмыкнул.

- Я сейчас схожу, заварю нам кофейку, а, пока я буду отсутствовать, я хотел бы тебя познакомить с одним человеком, хотя... ну, не совсем человеком. Ты просто поболтай с ним немного. Он – местный обитатель и давненько уже тут один. Хороший парень, но очень уж ему одиноко. Фридрихом зовут. Сделай старику одолжение, а?

- Да, конечно, давай, почему бы и нет!

Буквально через минуту ко мне подошел застенчивый мужчина, приятной (как показалось мне при беглом осмотре) наружности...

Бесконечное одиночество

Нежные рассветные лучи пробивались сквозь ветки на старом кладбище, было тепло, тихо и уютно, несмотря на окружающий антураж. Я сидел на перевернутом гробу, который Альберт знаменовал нашей «лавочкой», покуривая сигарету, и смотрел на фигуру, примостившуюся напротив, на соседней могиле.

Моего собеседника звали Фридрих. Если бы не бледная, серовато-синюшная кожа и странная, застывшая неподвижность, его можно было бы принять за обыкновенного человека. На нем был добротный твидовый пиджак, когда-то, вероятно, дорогой, но теперь изъеденный молью и временем. Воротник рубашки был аккуратно застегнут, хотя под ним виднелась глубокая, рваная рана, обнажающая потемневшие сухожилия шеи. Его лицо и по сей день сохранило благородные черты: высокий лоб, тонкий нос, но левая щека была пробита насквозь - рваная, пугающая дыра, сквозь которую проглядывали зубы.

- Знаешь, - голос Фридриха звучал как сухой шелест опавших листьев, - самое страшное - это не голод. И даже не то, что сердце больше не бьется. Самое страшное - это тишина.

Он поднял свои мутные, подернутые белесой пеленой глаза на меня. В них читалась бесконечная, нечеловеческая усталость.

- Я помню, как пил чай на своей веранде. Помню запах свежескошенной травы и то, как скрипело кресло-качалка. А теперь... теперь только этот бесконечный гул земли. Здесь так одиноко, Ларин. Вокруг сотни соседей, но они все - лишь кости да прах. Они не отвечают. Они не помнят, каково это - быть собой. Я один в этом мире, запертый в теле, которое медленно рассыпается, но никак не может окончательно исчезнуть.

Я молча слушал, чувствуя, как по спине ползет холодок. Потом я протянул ему пачку сигарет.

- Хочешь?

Фридрих на мгновение замер, словно прислушиваясь к давно забытым рефлексам. Его пальцы, длинные, с обломанными ногтями, дрогнули. Он взял сигарету с такой бережностью, будто это был драгоценный артефакт. Я чиркнул зажигалкой.

Фридрих затянулся. Но дым не наполнил его легкие - он тонкой струйкой вырвался наружу через дыру в щеке, так и не дойдя до горла. Зомби печально опустил голову, глядя, как сизый дымок рассеивается в пробивающихся лучах солнца.

- Спасибо, - прошептал он. - Я почти почувствовал вкус. Почти вспомнил. Почти...

Я, чувствуя странную жалость, достал из рюкзака бутылку воды.

- Выпей, - предложил я ему, протягивая ее.

Фридрих взял бутылку. Его движения были медленными, механическими. Он поднес горлышко к губам, сделал глоток, но вода не пошла внутрь. Она тут же, с тихим, неприятным хлюпаньем, начала просачиваться сквозь прореху в пиджаке, стекая по грудной клетке, где кожа давно истлела, обнажая ребра. Вода падала на сухую землю, оставляя темные пятна.

Фридрих посмотрел на свои мокрые руки, потом на меня. В его глазах, несмотря на их безжизненность, блеснула влага - не слезы, а просто конденсат, скопившийся в глазницах. Но создавалось впечатление, что он плачет, а от этого становилось невыносимо жутко.

- Видишь? - горько усмехнулся он, и от этого движения дыра в щеке стала выглядеть еще страшнее. - Я даже не могу утолить жажду, которой у меня нет. Я - призрак, который забыл умереть. Я просто хочу поговорить, Ларин. Просто хочу, чтобы кто-то знал, что я все еще здесь. Что я все еще... я.

Он отбросил пустую бутылку, и она глухо стукнулась о соседнее надгробие. Фридрих снова уставился в пустоту, а я сидел рядом, не зная, что сказать. На кладбище начинало темнеть и только тихий, надрывный шепот зомби нарушал покой мертвых, рассказывая о тоске, которая оказалась сильнее самой смерти. Странно это: разве можно сравнивать смерть и одиночество? Я никогда не задумывался об этом раньше. А, оказывается, можно. И кто знает, что, действительно, страшнее...

Я невольно подался вперед, стараясь не смотреть на то, как влага продолжает медленно сочиться из грудной клетки Фридриха, впитываясь в пожухлую траву. Мне хотелось отвернуться, уйти, сбежать от этого запаха сырой земли и тлена, но что-то удерживало меня на месте. Может быть, это была не жалость, а пугающее осознание того, что передо мной - не монстр, а человек, чья душа оказалась заперта в клетке из гниющей плоти.

- Расскажи мне еще, - тихо попросил я, чувствуя, как мой собственный голос дрожит. - О чем ты думаешь, когда наступает ночь?

Фридрих медленно повернул голову. Его движения были лишены грации, они напоминали работу плохо смазанного механизма. Он посмотрел на свои руки - серые, с проступающими под кожей темными венами, которые давно перестали нести жизнь.

- Я думаю о том, что я всего лишь эхо, - ответил он, и в его голосе прозвучала такая глубокая, почти осязаемая тоска, что мне стало трудно дышать. - Знаешь, каково это - помнить тепло солнечного света на коже, но чувствовать только вечный холод? Я помню, как держал за руку свою жену. Я помню мягкость ее ладони. А теперь мои пальцы... они словно чужие. Я боюсь прикоснуться к чему-то живому, боюсь, что оно рассыплется в прах от одного моего касания. Я - ходячее напоминание о том, что все заканчивается. И это знание - самое тяжелое бремя.

Он замолчал, и в этой паузе я услышал, как где-то вдалеке ухает сова. Звук показался мне оглушительным.

- Иногда мне кажется, что я слышу их, - продолжил Фридрих, кивнув на соседние могилы. - Не голоса, нет. Я слышу их забытые желания. Кто-то хотел дописать книгу, кто-то - извиниться перед женой, кто-то - просто еще раз увидеть море. Они все ушли, оставив свои мечты здесь, в этой почве. А я... я остался, чтобы нести их груз. Я - библиотекарь забытых историй, Ларин. И мне некому их рассказать.

Фридрих поднял руку и неловко коснулся края своей рваной щеки. Его пальцы зацепились за край раны, и он поспешно отдернул их, словно испугавшись собственной немогости.

- Ты придешь еще? - спросил он вдруг, и в этом вопросе было столько детской, отчаянной надежды, что я почувствовал, как к горлу подкатил ком. - Не ради ответов. Просто... чтобы я знал, что в этом мире еще есть кто-то, кто видит во мне не труп, а человека. Кто-то, кто готов выслушать тишину вместе со мной.

Я посмотрел на небо, где сквозь рваные тучи проглядывала холодная, равнодушная луна. Я знал, что, вернувшись домой, я буду пытаться забыть этот разговор, буду убеждать себя в том, что это был лишь морок, плод моей больной фантазии. Но сейчас, глядя в мутные глаза Фридриха, я понимал: я вернусь. Потому что в этом мире, полном шума и суеты, самым важным оказалось просто посидеть рядом с тем,

кто больше всего на свете боится быть забытым.

- Приду, обязательно, - промолвил я.

Фридрих ничего не сказал. Он просто кивнул, и в его глазах, на мгновение отразился слабый, почти призрачный свет далеких звезд. Он снова стал неподвижным, сливаясь с тенями надгробий, но теперь эта тишина больше не казалась мне пустой. Она была наполнена словами, которые наконец-то были услышаны.

Я поднялся, отряхивая брюки от кладбищенской пыли. Мои ноги затекли, а в груди поселилось странное, тягучее чувство - смесь страха и какой-то болезненной ответственности. Я сделал шаг прочь, но обернулся. Фридрих сидел в той же позе, его твидовый пиджак, пропитанный влагой от пролитой воды, казался еще темнее в лунном свете.

- Фридрих, - позвал я, сам не зная зачем. - Если ты... если ты когда-нибудь почувствуешь, что совсем невыносимо, что стены этой тишины давят слишком сильно... что мне принести тебе? Что может помочь?

Зомби медленно повернул голову. В его взгляде, направленном на меня, промелькнуло что-то похожее на слабую, почти болезненную улыбку. Он приподнял руку, указывая на старую, покосившуюся оградку в глубине аллеи, которая была украшена резными узорами нот.

- Музыку, - тихо произнес он. - Я помню, как звучала скрипка. В ней было все то, чего мне сейчас не хватает: движение, страсть, жизнь, которая не боится закончиться. Если

ты принесешь что-то, что звучит... Это будет как глоток воздуха для того, кто давно перестал дышать.

Я кивнул, чувствуя, как по коже пробежали мурашки. В этот момент мне больше всего хотелось разрыдаться. Разрыдаться от осознания того, как мы живем, за чем гонимся. А тут, остановившись и посмотрев на зомби, я понимал: вот, что нужно для простого счастья в вечности – музыка. Это то, о чем мечтает зомби. То, что может сделать его счастливым. Так просто и так мало... Я развернулся и пошел по узкой тропинке между могил. Мои шаги звучали слишком громко в этой мертвой тишине, каждый хруст гравия отдавался в ушах, как выстрел. Я не оглядывался, боясь увидеть, как Фридрих медленно растворяется в ночи, становясь неотличимым от серого камня.

Выйдя за ворота кладбища, я остановился и глубоко вдохнул ночной воздух. Он был холодным, пахнущим бензином и далеким дождем - живым запахом. Я посмотрел на свои руки, все еще хранившие тепло пачки сигарет, и вдруг осознал, что моя собственная жизнь, такая обыденная и порой скучная, внезапно обрела пугающую ценность.

На следующее утро я купил старый, потрепанный плеер с наушниками и кассету с записями классики. Да, в современную эпоху еще нужно постараться найти плеер. Я не знал,

как Фридрих будет слушать - у него ведь не было ушей в привычном понимании, ведь ушные раковины давно прогнили и местами провалились. Поэтому я купил большие наушники, которые надевались на голову, а не вставлялись в слуховой канал. Я верил, что для души, запертой в гниющем теле, вибрация звука станет своеобразным мостом.

Когда я вернулся на кладбище вечером, Фридрих ждал меня на том же месте, в той же самой позе, что и вчера. Он выглядел еще более изможденным: край пиджака оторвался, обнажая серую, сухую кожу плеча, а дыра в щеке, казалось, стала чуть шире. Но, когда я достал плеер, в мутных глазах зомби вспыхнул огонек, который невозможно было ни с чем спутать.

Я надел наушники на голову Фридриха, стараясь не касаться холодной, безжизненной кожи. А потом нажал кнопку «Play».

Тихая, печальная мелодия скрипки заполнила пространство вокруг нас. Фридрих замер. Его плечи, до этого опущенные под тяжестью вечности, вдруг расправились. Он закрыл глаза, и по его лицу, сквозь глубокие морщины и прорехи, медленно потекла та самая влага - конденсат, который теперь казался настоящими слезами.

- Это... - прошептал он, и его голос впервые за все время не шелестел, а дрожал от едва сдерживаемого восторга. - Это как будто кто-то другой проживает мою жизнь за меня. Как будто я снова там, на веранде, и солнце греет мне лицо.

Я сел рядом, прислонившись спиной к холодному граниту. Я смотрел, как зомби, этот забытый всеми пленник смерти, слушает музыку, и понимал: сегодня ночью на этом кладбище стало на одну душу, чувствующей себя одинокой, меньше. И, возможно, именно это было самым важным делом, которое я когда-либо совершал в своей жизни.

Август 2026 г.

Прорыв

Если вы читаете это письмо, значит я ушел вовне, в никуда, растворился, исчез. Но ушел не окончательно. Да, все очень запутанно получается. Я покинул этот мир. Нет, не в том смысле, что умер, хотя... нет, я решительно не могу подобрать подходящих слов. Существуют другие миры, вселенные, параллельные, незнакомые нам и неизведанные. И я в данный момент нахожусь в одном из них. Как Он сказал, я перешел из статуса случайного постороннего наблюдателя в полноправные обитатели Его мира. Поэтому, если вы читаете это письмо, то можете не искать меня, сейчас это уже бесполезно. Хотя, пожалуй, будет лучше, если это письмо никто так и не прочитает, спокойнее будет жизнь. Но, чтобы внести хоть какую-то ясность в мой поток слов, я начну с самого начала.

Я не буду утомлять читателя долгими описаниями моей скучной жизни, я остановлюсь лишь на нескольких фактах, которые затрагивают разные периоды моей жизни. Я отсеку все лишнее. Моя жизнь ничем не отличалась от миллионов других жизней, ничего выдающегося, просто иногда случались какие-то мелкие и странные вещи. Вот именно на них

я остановлю свою внимание, опуская все лишнее, чтобы у вас сложилась целостная картина, чтобы вам не нужно было в долгом повествовании вычленять важные моменты, чтобы все факты были разложены перед вами на тарелочке.

В моей жизни всегда был этот фоновый шум. Знаете, как помехи в старом телевизоре, только они звучали не в ушах, а где-то в основании черепа. Мои знакомые и близкие всегда смеялись, называя меня «человеком с богатой фантазией». Так говорила мама, так говорили друзья, так говорили врачи, когда я стал жаловаться на бессонницу. Мои истории всегда вызывали смех - они были слишком детальными, слишком жуткими, чтобы быть правдой. Люди любили слушать их, ухмыляясь и приговаривая: «Ну ты и выдумщик! Тебе бы книги писать». Но они и понятия не имели, что я не выдумывал. Я просто пытался осмыслить, разобраться, просто транслировал им все то, что видел, слышал и ощущал, я делился с ними, но они этого не понимали.

Когда я только поступил в начальную школу, мы жили в старой бабушкиной квартире. Я помню длинный коридор, обклеенный выцветшими обоями, который вел на кухню. По ночам я слышал шаги. Это не были шаги человека - это был звук, будто кто-то волочит по полу тяжелый, мокрый мешок. Я долго лежал в кровати, накрывшись с головой одеялом, но потом выбегал в коридор, сердце колотилось в груди, подсакивая до самого горла. Но в коридоре никого не оказывалось. Только запах озона и гнили, который быстро рассе-

ивался. Когда я рассказал об этом родителям, они смеялись до слез, называя это «проделками домового», ссылались на то, что это просто старый дом, что он так дышит. Но я-то знал: дом не может дышать так тяжело и с таким хрипом. А однажды я увидел, что дверная ручка в пустой комнате медленно повернулась, хотя с той стороны никого не было.

В подростковом возрасте начались голоса. Это не было безумие - я был абсолютно адекватен. Это был шепот, доносившийся из стен. Они не говорили слов, они транслировали эмоции: холод, голод, бесконечное ожидание. Однажды на уроке математики я отчетливо услышал, как кто-то прямо над моим ухом произнес мое имя, растягивая гласные так, будто у говорящего не было губ. Я вскрикнул, подскочил, опрокинув парту. Весь класс хохотал, учительница с состраданием смотрела на меня. «Переутомился, бедняга, отдохни от учебников», - проговорила она. А я чувствовал, как на моей парте, прямо под моими пальцами, медленно простукает ледяной отпечаток чьей-то ладони с шестью пальцами. Голоса преследовали меня и по ночам. Не постоянно, скорее это было исключением, но в то же время и системой, пусть и нерегулярной. Да, к этому времени жили мы уже в другой квартире.

В двадцать лет, в своей первой съемной квартире, я начал слышать звон. Тонкий, пронзительный звук, от которого лопались лампочки. Я жаловался соседям, что у них что-то гудит в стенах. Они вызывали электриков, те разводили

руками. «У парня нервный срыв, переучился», - шептались они за моей спиной. Но я видел, как из розеток сочится густая, черная, как деготь, субстанция, которая пахла озоном и гнилью.

К тридцати годам я привык к одиночеству. Я научился игнорировать тени, которые отбрасывали предметы, когда в комнате не было источников света. Я научился не оборачиваться, когда чувствовал ледяное дыхание на затылке. Я стал «странным парнем», который всегда смотрит в пустоту. А самым распространенным и любимым объяснением всего происходящего моими знакомыми было то, что я слишком много читаю мистических книг. И мое уставшее сознание проецирует этот иллюзорный мир на окружающую действительность. Они говорили это с легкой улыбкой и невероятной самоуверенностью, будто врач пытается мягко объяснить пациенту, что он не совсем в себе. Но я не верил ни единому их слову, мне абсолютно не подходила эта версия. Ведь я-то всегда умел отделять зерна от плевел.

Однажды я решил провести свой отпуск, уехав в глушь по настоятельной рекомендации моего друга. Это был небольшой городок для творческих людей. Каждому предоставлялся в пользование отдельный домик, людей в округе не было, только тишина и безупречное величие природы. Но и там мне не было покоя. Как выяснилось потом, там бушевали потусторонние силы, поселившиеся в местных котах, которые ставили эксперименты над людьми. Все это кажется абсур-

дом, но я сам был тому свидетелем.

К тридцати пяти я снова переехал в новую квартиру, надеясь, что тишина наконец наступит. Но начались «мелькания». Боковым зрением я видел фигуры. Они не были призраками в привычном понимании - это были прорехи в реальности. Черные, как нефть, силуэты, которые двигались рывками, выглядели они, словно кадры старой киноплёнки. Они стояли в углах, в дверных проемах, в отражении телевизора. Стоило мне повернуть голову - они мгновенно исчезали, оставляя после себя ощущение, что воздух в комнате стал плотным и невыносимо тяжелым. Я всегда ненавидел зеркала и телевизоры, но в съемных квартирах не подиктуешь свои условия. В моей жизни был всего один друг, с которым я мог поделиться абсолютно всем, но и он в момент нашей последней встречи странно посмотрел на меня. Шла веселая оживленная беседа за несколькими бокальчиками. И в один момент мой друг молча опрокинул в себя бокал и тревожно посмотрел на меня, выслушав мой рассказ. Нет, он ничего не сказал, не усомнился во мне устно. Но этого взгляда мне было более чем достаточно. С тех пор я перестал рассказывать о происходящем со мной кому бы то ни было. Я просто стал пить снотворное и таблетки для стабилизации моей психики, и старался не смотреть в углы.

Сейчас мне сорок. Я сижу за своим рабочим столом в старой бабушкиной квартире, куда я недавно вернулся, за окном глубокая ночь. В комнате неестественно тихо - даже го-

род за окном замолк, словно кто-то выключил звук в мире. В одно мгновение свет в комнате не просто погас - он втянулся в одну точку, как будто кто-то выдернул пробку из реальности.

А потом пришел Он. Появился из ниоткуда. Кто? Я не могу дать вам на это однозначного ответа. Он сказал, что Он один из Великих и зовут его Морхур. Хотя мне показалось, что это был сам Дьявол. При Его появлении не было никаких хлопков, да и вообще никаких звуков, как это любят описывать мистики. Зато квартиру наполнил смешанный запах сырой земли, озона перед грозой и горелой плоти. Я просто обернулся и увидел перед собой Его. Хотелось бы мне сказать, что я стойко вынес сие зрелище, но я рассказываю вам реальную историю, а не фантастическую байку. Только в книгах герои бесстрашно встречают ужас лицом к лицу. Меня охватил озноб, пробежавший по спине и распространившийся по всему телу во всех направлениях. Я рефлекторно отшатнулся, зубы мои стучали, ладони потели, все тело билась мелкая дрожь, дыхание участилось. Мой разум, цепляясь за остатки рациональности, пытался классифицировать увиденное мной сейчас, но терпел крах. Мозг просто отказывался обрабатывать эту картинку. Я видел Его, но разум отказывался верить. Я хотел закричать, но горло будто набили битым стеклом. Легкие окаменели. Страх перестал быть эмоцией, он стал физическим состоянием. Мое сердце подскочило и колотилось где-то в районе горла, каждый удар отда-

вался в висках оглушительным звоном, но я не мог пошевелиться. Я был парализован. Перед этим существом я был не человеком, а просто пылью, случайным сгустком материи, который можно стереть с лица Земли одним движением когтистой, неестественно длинной руки, или лапы...

В Его внешности было что-то от человека, но больше от животного. Его облик, казалось, был насмешкой над законами самой эволюции, где звериное начало насильно втиснуто в форму высшего существа. По моим ощущениям Он достигал трех метров в высоту. Он стоял на двух массивных, слегка согнутых, ногах (или лапах?), заканчивающихся непропорционально длинными раздвоенными ступнями с черными загнутыми когтями, которые при ходьбе оставляли на полу глубокие борозды. Его осанка неестественно прямая, подчеркивала худобу грудной клетки, ребра которой выпирали, как каркас сгоревшего корабля, но при этом она была достаточно мускулистой и мощной, несмотря на поджарость. Тело Его было покрыто жесткой мелкой шерстью лишь на спине, руках и ногах, а все остальное было усеяно жесткими, матовыми пластинами, напоминающими хитин насекомых, переходящий в ороговевшую, чешуйчатую кожу серого цвета. Там, где соединялись суставы, были видны прорехи, из которых сочилась густая черная слизь, издающая едкий запах гнили и застоявшейся воды. Когда Он дышал, Его широкая грудная клетка не вздымалась, а будто раскрывалась через трещины в шкуре, выпуская тонкие струйки се-

рого дыма, который мгновенно замораживал воздух вокруг. При ходьбе Он издавал сухой хруст, похожий на ломающиеся ветки. Голова Его была кошмарной смесью черт гиены и какой-то хищной птицы. У Него была тяжелая вытянутая челюсть, усаженная рядами тонких, полупрозрачных игл, загнутых внутрь. А вместо глаз у Него были два идеально гладких шара, светящихся пронзительным пульсирующим красным светом. В этом свете была лишь бесконечная тьма, которая казалась жидкой, разливающейся, будто из глазниц постоянно вытекает кровь, но не успевает коснуться земли, испаряясь прямо в воздухе. У Него не было век, поэтому красные глаза никогда не закрывались. Они впитывали, вбирали в себя свет вокруг, поглощая его. Когда Он смотрел на меня, чуть наклонив голову вбок, мне казалось, что красная пелена зрачков начинает медленно расширяться, поглощая все пространство вокруг. Длинные конечности оканчивались четырехпалыми кистями с перепонками. Пальцы были неестественно длинны и заканчивались фалангами-когтями. Он никогда не опускал руки полностью, всегда держа их полусогнутыми, словно готовился в любой момент разорвать саму реальность на части. От Него исходила аура невыносимого напряжения. Когда Он был неподвижен, казалось, что пространство вокруг Него идет рябью, как воздух над раскаленным асфальтом. Он не дышал в привычном нам понимании, но каждый раз, когда Он открывал пасть, раздавался сухой треск, похожий на звук ломающихся в полной ти-

шине костей. Глядя в Его красные глаза, я испытывал приступ иррационального ужаса, сопровождающийся тошнотой и желанием вырвать себе собственные глаза, чтобы только не видеть этот отвратительный силуэт.

Но вот, в один момент все эти странные звуки прекратились, и Он заговорил. Я был поражен, но Он безупречно и достаточно нежно говорил на человеческом наречии.

- Ты всегда был достаточно наблюдательным, - голос звучал не снаружи, а прямо в моем мозгу. Он был похож на скрежет металла по стеклу, но в нем чувствовалась странная, почти отеческая теплота. - Ты думал, что это плоды твоего воображения, потому что так было проще, потому что люди заставляли тебя думать, что это галлюцинации! Люди вокруг - они слепцы! Их реальность - лишь тонкая корочка льда на глубоком, черном океане. Они не видят того, что происходит под ней, потому что их разум защищает их от безумия. Они не хотят ничего видеть. Они смеялись над тобой, но только потому что они глупцы!

Я хотел что-то сказать, но мой голос застрял в горле, превратившись в сухой хрип. Существо подалось вперед, и я увидел, что Его глаза - это не органы зрения, а бесконечные воронки, в которых вращаются мириады звезд, гаснущих одна за другой. Я не мог пошевелиться. Мое тело онемело.

- Это были не звуки, - продолжал он, подходя ближе. - Это были прорывы. Тонкая кожа нашего мира рвалась там, где ты стоял. Ты был маяком, единственным, кто видел ис-

тинную изнанку. Ты не был сумасшедшим, ты был дверью. Ты не был болен. С самого детства твоя душа вибрировала на частоте, которая пробивала бреши в нашем мире. Каждый твой испуг, каждый твой крик были сигналами, которые мы слышали. Шаги в коридоре у бабушки? Это был я, прощупывающий границы твоего восприятия. Шепот в школе? Это были мои братья, пытавшиеся дозваться до тебя сквозь шум человеческой суеты. Ты был одним из немногих, кто мог видеть прорехи, потому что ты и сам был одной из них. Все эти годы я регулярно отправлял тебе своих посланников. Но, либо пространственная связь была слишком слабой, либо мои олухи были слишком слабы сами. Поэтому мне пришлось явиться за тобой самому.

Он протянул руку - длинную, состоящую из бесконечных суставов.

- Твое время вышло. Тот мир, за которым ты так долго неосознанно подглядывал, теперь требует своего наблюдателя и полноправного обитателя.

Он протянул вторую руку - длинную, состоящую из множества переплетенных теней. Я не почувствовал страха, только странное, всепоглощающее облегчение. Вся моя жизнь, все эти годы борьбы с «галлюцинациями», вдруг сложились в единый логичный пазл. Я не был сумасшедшим. Я был дверью.

- Почему сейчас? - наконец выдавил я, едва разлепив пересохшие губы и чувствуя, как стены комнаты начинают мед-

ленно растворяться, превращаясь в серый туман.

- Потому что ты вырос, - ответил демон, и Его улыбка, если это можно было так назвать, была похожа на разлом в земной коре. - Ты перестал сопротивляться. Ты перестал искать оправдания в медицине и логике. Ты принял Тьму, и теперь она готова принять тебя. Твой мир - это лишь декорация, которая больше не может тебя удерживать.

Он встал, и комната вокруг меня окончательно перестала существовать. Книжные полки, стол, окно - все это рассыпалось пеплом, обнажая бесконечную, пульсирующую пустоту, полную тех самых «мелькающих фигур», которые теперь стояли неподвижно вокруг, ожидая своего часа. Вокруг начали проявляться силуэты зданий и дорог, пока что туманные и покрытые пеплом. Но, с каждым мгновением, все становилось более отчетливо видно. И та картинка, которую я лицезрел, мне определенно нравилась.

Я поднялся из кресла, чувствуя, как тяжесть моего тела исчезает. Я больше не был «парнем с богатой фантазией». Я был тем, кто наконец-то вернулся домой.

- Но я не могу тебя заставить, - мир вокруг замер, я видел каждую пылинку, которая должна была бы двигаться, но она висела в воздухе неподвижно. - Ты должен принять решение сам! - по всему моему виду было件нятно, что я колеблюсь и не могу вот так в одно мгновение принять решение от какого-то демона, которого я вижу впервые, и который хочет забрать меня вовне. Он улыбнулся, - ровно шестьдесят шесть

минут я даю тебе на размышления. Я вернусь в обозначенное время и услышу твой ответ. Если согласишься, ты в тот же миг бесследно уйдешь из этого мира, если откажешься, - тебя больше никогда не потревожу ни я, ни мои братья.

В тот же самый момент все иллюзорное пространство вокруг растворилось, я упал в рабочее кресло за своим столом дома.

Как только Он покинул меня, не тратя ни минуты времени, позабыв обо всем остальном и откинув все прочие дела, я сел за написание этого письма. Я знаю, что есть и другие люди со схожими симптомами. И я хочу донести до них, что это не галлюцинации и проблемы психического характера, как нас настырно убеждали ранее все окружающие нас люди. Все это чистой воды правда. И за вами следят, следят из других миров, вы отмечены, вы не такие как все. Вопрос только в том, какие силы следят за нами и куда они хотят нас затащить. Может за этой неведомой нам пеленой нас ждет настоящий рай, где мы будем наконец спокойны и счастливы, а, быть может, нас утащат на самое дно, ниже дна, в самое пекло.

Письмо написано и лежит на самом видном месте – посередине моего рабочего стола. Повторюсь, с чего начал: меня уже здесь нет, если это письмо попало вам в руки, и я согла-

сился на предложение Морхура. Ибо, в противном случае, я бы озвучил все это вам лично, а записку уничтожил. Верьте ушам и глазам своим, друзья! И ждите...

Август 2026 г.

Посторонний

Он всегда был человеком-праздником. Его смех, казалось, обладал собственной гравитацией, вне этого мира, притягивая к себе людей, а его извечная улыбка была лучшим лекарством от хандры. Лена, его девушка, обожала эту черту в нем. Они были идеальной парой: он - неисправимый оптимист и романтик, она - рассудительная и спокойная.

Все шло отлично, все было прекрасно, но однажды в парке, в один из тех золотых октябрьских дней, когда воздух пах прелой листвой и кофе, не произошла первая необычная ситуация. Он рассказывал Лене какую-то нелепую историю из своей прошлой жизни, активно жестикулируя. Вдруг его взгляд зацепился за скамейку напротив. Там сидел мужчина в безупречном твидовом костюме-тройке, какие он обожал, но никак не мог себе позволить. Несмотря на теплую погоду, он был в жилетке, с карманными часами на цепочке (а это была отдельная статья романтики для него) и в старомодной кепке.

- Ты только посмотри какой джентльмен из прошлого века, - рассмеялся он, слегка толкнув Лену локтем. - Прямо Шерлок Холмс на пенсии.

Лена обернулась, прищурилась, но на скамейке никого не оказалось.

- Ты о ком? Там же пусто...

- Да только что сидел! - он весело подмигнул пустому месту. - Наверное, испугался твоего строгого взгляда.

Они вместе посмеялись и пошли дальше.

Вторая встреча произошла через неделю в переполненном метро. Он стоял у дверей, когда в отражении стекла увидел того же самого человека. Твидовый костюм, внимательный взгляд из-под полей кепки. Мужчина стоял прямо за спиной Лены. Он хотел было пошутить, что «наш новый знакомый решил проехаться с нами», но в этот момент поезд дернулся, и мужчина в костюме едва заметно кивнул ему. Это было так странно и в то же время так по-доброму, что он не удержался и широко улыбнулся ему в ответ.

- Ты чего лыбишься в стекло? - спросила Лена, глядя на него с легким недоумением.

- Да так... - он почувствовал странный привкус тревоги, - просто... день хороший... - промямлил он в ответ.

Третья встреча была уже не такой забавной и веселой, как ему казалось изначально. Они ужинали в ресторане. Он поднял бокал, чтобы произнести тост, и увидел мужчину «из прошлого» за соседним столиком. Тот не ел, не пил, а просто

сидел и в упор смотрел на него. Его лицо было серым, как старая бумага, а глаза бездонными, как колодцы.

- Лена, - тихо сказал он, опуская бокал, - видишь того мужчину в твиде? За третьим столиком?

Лена медленно повернула голову. Она долго смотрела в ту сторону, которую он ей указал, потом перевела взгляд на него. В ее глазах читалось не любопытство, а растущее беспокойство.

- Ты чего? Там сидит пожилая пара. Никакого мужчины в твиде там нет. Ты... ты опять за свое?

Он почувствовал, как внутри него что-то сжалось. Он посмотрел на «твидового». Тот медленно поднялся, поправил жилетку и, не отрывая взгляда от него, вышел из ресторана.

С того дня его жизнь превратилась в кошмар. Он видел странного мужчину всюду: в витринах магазинов, в отражении монитора, в дверных проемах. Твидовый человек будто стал его тенью. Он не делал ничего плохого, просто присутствовал. Но для окружающих его не существовало.

Он начал нервничать. Он стал рассеянным, перестал смеяться, постоянно оглядывался. Его жизнерадостность улетучилась, испарилась, как утренний туман. Лена пыталась его поддерживать, но с каждым днем ее взгляд становился все холоднее. Она видела, как ее веселый парень превращается

в дерганого параноика, который разговаривает с пустотой.

- Ты очень пугаешь меня... - сказала она однажды вечером, когда он в очередной раз замер, глядя в угол комнаты, где, по его словам, стоял «этот тип». - Ты стал другим. Ты постоянно видишь то, чего нет. Может тебе стоит обратиться к врачу?

- Я не сумасшедший! - крикнул он, срываясь на хрип. - Он здесь!

- Он здесь, прямо за твоим плечом! - он вскочил, опрокинув стул. Грохот дерева о паркет прозвучал в тишине квартиры как пушечный залп.

Лена даже не вздрогнула. Она сидела на диване, скрестив руки на груди, и смотрела на него с той смесью жалости и безразличия, которую испытывают к сломанной вещи, не подлежащей починке.

- За моим плечом пустота, понимаешь, пустота?.. - тихо, почти шепотом произнесла она. - Как и в твоих глазах. Ты больше не тот человек, которого я полюбила. Тот умел видеть красоту в мире, а ты... ты видишь только призраков.

- Я не выбирал это! Я не хотел этого! - он схватился за голову, чувствуя, как пульсирует висок.

Мужчина в твиде стоял теперь совсем близко к Лене. Он не двигался, но от него исходил холод, пробирающий до костей. Он медленно поднял руку и указал пальцем на дверь. Он понял: это не просто галлюцинация, это некий завершающийся этап, финал, который он сам приблизил своим стра-

ХОМ.

- Уходи, - сказала Лена, поднимаясь. Она не плакала. В ее глазах застыла окончательная, ледяная решимость. - Я не могу жить с человеком, который боится собственной тени. Мне нужен тот, кто будет смотреть на меня, а не сквозь меня, в поисках... этого. Прошу, уходи...

- Я не могу... я хочу быть с тобой... ты нужна мне, ты!

Она собрала сумку быстро, почти механически. Он хотел броситься к ней, умолять остаться, объяснить, что он все еще здесь, что он все еще любит ее, но твидовый человек сделал шаг вперед, преграждая путь. Его лицо, прежде серое, теперь казалось высеченным из камня. Он не произнес ни слова, но в голове отчетливо прозвучал сухой, как шелест старой листвы, голос: «Она не видит, потому что ты перестал смотреть на нее».

Хлопок входной двери отозвался в груди глухой болью. Он остался один в пустой квартире.

Он медленно опустился на пол, туда, где только что стояла Лена. Он поднял глаза на мужчину в твиде. Тот больше не выглядел угрожающе. Он выглядел... уставшим. Он поправил цепочку своих карманных часов, посмотрел на циферблат и наконец-то улыбнулся - тонкой, почти незаметной линией губ.

- Ты свободен, - произнес незнакомец.

Он моргнул, и комната на мгновение погрузилась в полную темноту. Когда он снова открыл глаза, в углу никого не

было. Только вечерний свет фонаря пробивался сквозь шторы, рисуя на полу длинные, причудливые тени.

Он был один. Впервые за долгое время он не чувствовал на себе чужого взгляда. Но вместе с этим пришло осознание: тишина, воцарившаяся в квартире, была не облегчением. Это была пустота, которую он сам создал, позволив призраку вытеснить из его жизни все, что имело значение. Он посмотрел на свои руки - они дрожали. Он был свободен от видений, но навсегда заперт в реальности, где больше не было Лены, а его собственный смех казался теперь чем-то жутким из далекой, чужой жизни, чужой вселенной.

Он начал вести странную жизнь, будто находился во сне, действовал по инерции, точно сомнамбула. Он углубился в творчество и посвящал всего себя именно этому занятию, чтобы у него не оставалось ни одной свободной минуты на мысли.

Однажды он выступал на сцене. Это был небольшой темный подвальчик. Он сидел на сцене с гитарой в свете прожектора. Он пел, играл, общался с публикой. Но в один момент, посреди песни он услышал как скрипнула входная дверь и в зал вошел человек в твиде. Он широко улыбнулся, приподнял кепку в знак приветствия, и уселся в заднем ряду.

В один момент, прямо посреди песни, он вскочил на но-

ги, бросил на пол гитару, руки его дрожали, глаза налились кровью. Он был в гневе. В зале воцарилась гробовая тишина, какой здесь никогда не было прежде. Даже те, кто был навеселе, замолчали. Никто не смел произнести ни звука, никто не смел даже моргнуть. Такому вниманию можно было только позавидовать. Он подскочил к незнакомцу и прорычал:

- Ты!..

- Тише-тише, не нужно так шуметь и пугать добрых людей, - вставая из-за стола, все с той же широкой улыбкой, проговорил человек в костюме, нагло оборвав своего оппонента на середине фразы. Тот стоял, опешив, понимая, что от такой дерзости гнев его улетучивается. – Не будем досаждать людям, пойдем, я знаю буквально в квартале отсюда отличное местечко, где мы смоём спокойно поговорить.

И он, не дожидаясь ответа, прошел к выходу важной походкой. Вариантов не было, пришлось следовать за незнакомцем. А весь зал разом выдохнул, когда захлопнулась входная дверь. Ведь это было странное и страшное зрелище: видеть, как человек разговаривает с пустотой, да еще и так рьяно злится на нее...

Они сидели в уютном баре и культурно выпивали, играла приглушенная музыка, посетителей почти не было, бармен не обращал на них никакого внимания.

- Умеешь ли ты хранить тайны? - прищурившись, спросил его собеседник.

Он гордился тем, что за всю жизнь ему доверяли тысячи личных тайн, и он никогда не проболтался ни об одной из них, посему, не раздумывая ни секунды, ответил:

- Да! - почему-то сейчас, несмотря на то, что его собеседник был улыбочив, приветлив и много шутил, он понял, что услышит самую большую и страшную тайну из тайн, какие ему когда-либо попадались на его пути. И стало жутко. Незвестно почему и от чего, но именно жутко.

- Хорошо. Тогда слушай и ничему не удивляйся. Я – демон, - с этими словами он продемонстрировал парню свои ступни, с которых уже успел скинуть лакированные туфли и, вместо ожидаемых человеческих ног, парень увидел раздвоенные копыта. Стало не по себе. – Просто слушай и верь мне, не нужно ни о чем думать. Мы прорываемся в ваш мир, потому что грань стала слишком тонкой, и мы спокойно можем путешествовать между мирами. Таких как я достаточно много в вашем мире. Но видит нас далеко не каждый. Посему, каждому видящему мы уделяем особое внимание. Вы больше и выше, чем все остальные люди. Такие как ты нужны нам.

В баре было душно, пахло дешевым виски и озоном от неисправной неоновой вывески. Демон, выглядевший как уставший клерк в костюме, крутил в пальцах бокал с темной жидкостью. Его глаза, цвета запекшейся крови, смотрели на

собеседника, который только что попытался пожаловаться на несправедливость мира.

- Ты называешь это злом? - демон усмехнулся, обнажив чуть более острые, чем нужно, клыки. - Ты путаешь понятия, смертный. Вы, люди, привыкли делить мир на черное и белое, как клавиши пианино. Но музыка рождается только тогда, когда пальцы пробегают по обеим.

Парень нахмурился:

- Убийства, предательства, ложь – это однозначное зло. Тут нет никакой музыки.

Демон отпил из бокала и поставил его на стойку.

- Давай разберемся. Представь хирурга, который отсекает гангрену на ноге. Это больно? Да. Это жестоко? С точки зрения ноги - безусловно. Но это спасает жизнь. Иногда «зло» - это просто хирургическое вмешательство в судьбу. Когда я подталкиваю человека к краху его карьеры, он называет меня дьяволом. Но именно этот крах заставляет его бросить ненавистную работу, уехать в горы и наконец-то начать дышать полной грудью, расцветать. Разве это зло? Это освобождение, завернутое в обертку катастрофы.

Демон подался вперед, и свет ламп отразился в его зрачках, как в двух безднах.

- Вы боитесь ада, потому что вам навязали образ котлов и вил. Но ад - это не место наказания. Это место абсолютной честности. В вашем мире вы носите маски. Вы улыбаетесь тем, кого ненавидите, вы терпите издевательства, ложь,

предательство, вы подавляете свои желания, чтобы соответствовать бирке «добро». В аду нет масок. Там ты - это ты, такой, какой есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.